

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Саша Шу, Бейби Лав

ЛЮБИ МЕНЯ НАВСЕГДА

Бейби Лав Саша Шу Люби меня навсегда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68907198

SelfPub; 2023

Аннотация

Полина Сонис – дочь богатых родителей, и у неё есть абсолютно всё. Её жених – красавчик из списка Forbes. Ей больше нечего желать в этой жизни. Но накануне подписания брачного контракта она узнаёт, что смертельно больна. На девичнике в закрытом женском клубе Полина впервые увидела Его, и подружки решили подарить ей приватный танец с лучшим стриптизёром столицы. Но никто не мог представить, как это изменит всю её жизнь. «– Ты слишком многого хочешь, любимый. Подожди всего несколько дней до нашей первой брачной ночи... – и кокетливо прикрываюсь одеялом, чтобы не завести его ещё больше. К тому же я опаздываю. – Только выходи через чёрный ход, – всё ещё мурлыкаю я, пока Анастас Вайсберг натягивает на себя свои джинсы Armani и футболку Prada, – мы ведь ещё не женаты...» От автора: Будет море страсти, бурлеск эмоций и калейдоскоп впечатлений. Усаживайтесь поудобнее, запасайтесь карамельным попкорном, и в путь!

Содержание

1	4
2	19
3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Бейби Лав, Саша Шу Люби меня навсегда

1

– Да, детка, да, так, давай! Я сейчас кончу, – слышу я хриплый шёпот Стаса где-то позади себя, пока он проворным потным кроликом долбит меня в моей же розовой девичьей спальне. Прохладный ночной ветерок колышет итальянские невесомые занавески, приоткрывающие вид на ухоженный роскошный парк в усадьбе моих родителей, и я, постанывая в такт своему будущему мужу, томно шепчу в ответ:

– О, да, милый, я тоже! Да, да, так, – и радуюсь про себя, что он в темноте не видит равнодушное выражение моего лица. Если про это пишут миллионы стихов и романов, снимают сотни тысяч фильмов и сериалов, то я абсолютно не их читатель и не их зритель...

– Мне очень хорошо с тобой, детка... А тебе? – в очередной раз спрашивает меня мой жених, видимо, чтобы удостовериться, что именно он смог довести меня до вершины экстаза, и я, подыгрывая ему, выгибаю спину ещё сильнее и, растягивая слова, прямо как звезда порнофильма, отвечаю:

– Мне очень хорошо, о да! Только с тобой! Ты самый лучший, любимый, – и начинаю стонать всё громче, чтобы у него не возникло и тени сомнения, что я сейчас на седьмом небе оргазма.

Тем более, – размышляю я про себя, пока все моё тело сотрясается от безумных толчков Стаса, яростно вгоняющего в меня свой аристократический фаллос, мне должно быть хорошо с ним. И только с ним. У меня ведь никогда никого не было до него! И, скорее всего, больше и не будет, – печально вздыхаю я, видимо, громче, чем все остальные звуки, которые я издавала во время нашего акта любви. И мой жених, приняв это за судорожные всхлипы вершины наслаждения, громко стонет в унисон, и, задрожав и замерев на пару секунд, обрушивается мне на спину всем своим потным усталым телом.

– Ты просто чудо, Поля, – шепчет он мне прямо в ухо, пока я, задыхаясь под весом его спортивного натренированного в дорогуших частных клубах торса, жду, когда же он наконец-то закончит со своими нежностями.

– Я не могу дождаться, когда мы с тобой наконец-то поженемся, – откровенничает он со мной, осторожно вытаскивая из меня, чтобы не пролить ни капельки, свой одетый в резиновый костюмчик член.

Любовь любовью, но наследник богатейшей семьи, один из самых завидных женихов не то что нашей страны, но и Европы, не должен расплескать своё драгоценное и безум-

но дорогое семя вне законного брака. Вокруг слишком много хищных охотниц и даже охотников, думается мне, чтобы влиться в русло семьи Вайсбергов: владельцев заводов, корпораций, замков, яхт и рудников.

Я перевернулась на спину и наблюдаю со своей кровати за Анастасом: он аккуратно завязывает гондон узелочком, и складывает его в пластиковый пакетик, которые у него всегда в кармане, чтобы унести с собой. У него прекрасное стройное тело, подтянутый пресс и вполне привлекательное лицо. Голубые глаза, русые густые волосы и мягкие пухлые губы. В общем, копия Вайсберг-старший. Правда, я бы не назвала его отца очень привлекательным, но я уверена, что в молодости он выглядел именно так. И почему-то очередная волна тоски накатывает на меня.

– Потерпи, малыш, осталось совсем немного, – наклоняется он ко мне, чтобы поцеловать перед уходом, и его пухлые губы словно всасывают меня в себя. – Скоро мы с тобой будем спать каждую ночь вместе, просыпаться каждое утро рядом... – мечтательно бормочет он, – ну вот, опять, что ты со мной делаешь, детка? – шутливо шепчет он, и кладёт мою ладонь на свой член, и я чувствую, как он снова начинает наливаться и разбухать. – Ты такая красивая, что я не могу остановиться, – роется он в поисках очередного презерватива и, не найдя его, предлагает: – Может в ротик, малыш?

И хотя меня абсолютно не радует перспектива облизывать ещё минут двадцать его миллионный детородный орган, я

всё же притворно мяукаю ему в ответ:

– Ты слишком многого хочешь, любимый. Подожди всего несколько дней до нашей первой брачной ночи... – и кокетливо прикрываю своё обнаженное тело одеялом, чтобы не завести его ещё больше.

К тому же я опаздываю.

– Только выходи через чёрный ход, – всё ещё мурлыкаю я, пока Анастас Вайсберг натягивает на себя свои джинсы Armani и футболку Prada, – мы ведь ещё не женаты. Официально мы не должны этим заниматься, – с придыханием произношу я, и вижу, как у Стаса снова начинает разбухать от напора чувств ширинка. – Нет-нет, только не сейчас, – привстаю я на колени на своей кровати, от чего моё лицо оказывается прямо напротив его живота. Я просто обожаю дразнить его, особенно если знаю, что мне не придётся снова терпеть его бесконечно пыхтение на себе.

Наша свадьба всего через неделю, и у Вайсберга-младшего дел перед ней совсем не меньше чем у меня. Полины Аркадьевны Сонис. Дочери одного из самых известных и заслуженных кинорежиссёров страны, и по совместительству владельца сети кинотеатров SunCinema и собственного продюсерского центра SonisFilm. И Стасик прекрасно понимает, что отхватывает не самый завалившийся кусок семейного пирога. Вдобавок к красавице жене.

Я провожу ладонью по его пока ещё молодому и плоскому

накачанному прессу, смотрю на него своими прозрачно-серыми глазами, и понимаю, что сейчас выгляжу намного лучше тысяч остальных фотомоделей, блогерок, актрис и богатых наследниц, с которыми он постоянно общается.

– О Поля, – снова затуманивается его взгляд, но дела не ждут, и его телефон начинает бешено вибрировать в кармане его джинсов. – Скоро увидимся, малыш, я пришлю тебе его на ночь, – и я представляю, как получу сегодня в очередной раз его дикпик, которыми у меня и так уже забита вся фотогалерея в телефоне.

– Я буду ждать, – шепчу я его буквально обтянутому джинсой члену, и снова укутываюсь в своё одеяло до подбородка, чтобы он не передумал и не отымел меня ещё разок на мой шёлковой постельке.

– Я специально не мылся, хочу оставить на себе твой запах, – снова начинает Стас свои нежности, и я поддакиваю ему в ответ:

– Я тоже не буду сегодня принимать душ, любимый.

Перегнувшись через подоконник, я смотрю со своего третьего этажа, как чёрный тонированный «Майбах» Стаса тихо шуршит по гладкому асфальту на нашей подъездной дорожке, удаляясь в сторону ворот, и как только он скрывается за поворотом, я бегу в ванную, чтобы по-быстрому принять душ и нарядиться к нашей сегодняшней запланированной встрече.

Я надеваю лёгкое короткое платье, высокие каблуки и сбегаю по чёрной лестнице, пока меня не увидели родители. Сажусь за руль своего внедорожника и гоню по ночной трассе в сторону города, где в пафосном ресторане «Принц и мыши» у нас забронирован столик на четверых.

Хостес провожает меня в отдельный маленький зал, где меня уже ждут Саша, Маша и Соня, мои лучшие подруги детства. И вот уже последние пять лет после выпуска из школы мы стараемся встречаться каждый последний четверг месяца, чтобы рассказать, что у нас происходит в жизни, и обсудить наши планы на будущее.

– Невеста сегодня опаздывает, – восклицает Саша, приветствуя меня и размахивая гигантским бокалом с переливающейся в нём рубиновой кровью. – Срочно штрафной, – зовёт она официанта, который щедро льёт в пустой фужер мою долю вина.

– Простите, но, сами понимаете, у нас предмедовый месяц, – закатываю я глаза и тут же жадно отпиваю чуть ли не половину дорогущего Амароне по триста евро за бутылку.

– Я думала, ты будешь навёрстывать упущенное, – удивляется жгучая стервозина Маша, самая опытная и искушённая из нас четверых.

– Маша, много – не значит лучше, – смеётся милашка Соня с ангелоподобной внешностью розовой нимфетки.

– Кто бы говорил, – не даёт ей спуска Маша. – Сколько

толстых папиков ты уже отымела? Десять, двадцать? – и щедро разливает нам новые порции в бокалы.

– Скажешь тоже, двадцать, – глупо хихикает Соня. – Всего-то пять! Это если считать только серьёзные отношения, – уточняет она, заглывая розовую прозрачную виноградинку своим прелестным липким ротиком.

И пока мои лучшие подруги меряются своими сумочками и мальчиками, я молча пью терпкое пахнущее миндалём вино и закусываю его пахучим сыром, предварительно обмакивая его в тягучий каштановый мёд.

– Девочки, про мужчин потом, – обрывает всех карьеристка Саша. Наверняка и сегодня она пришла на нашу встречу прямо из офиса, потому что даже не успела переодеть своей стильный деловой костюм. – Рассказывайте, что у вас происходит в жизни, кроме Полиной свадьбы, – словно отдаёт она нам приказ, и атмосфера за столом сразу же меняется.

В своё время, когда мы ещё учились в школе, мы твёрдо для себя решили, что всегда будем следовать зову сердца и добиваться чего-то важного в жизни, не отвлекаясь на ненужные светские сплетни, мужчин и тусовки. Время шло, и пока из нас всех четверых только Саша действительно добилась больше всего. По крайней мере до сегодняшнего вечера. Ей всего двадцать два, а она уже работает помощником редактора международного глянцевого журнала Glossy, правда, отвлекаясь на светские тусовки, мужчин и сплетни,

но уже исключительно по работе.

Миленьякая Соня отучилась на дизайнера-архитектора, и до недавнего времени её учёбе постоянно мешали многочисленные чересчур взрослые поклонники, неспособные устоять перед её ещё совсем детскими ямочками на щеках и на попке, несмотря на её вполне зрелый возраст. Как только она появлялась на очередном проекте со своим архитектором, преисполненная решимости доказать всем, что она настоящий профессионал, как на неё сразу же западал владелец загородного замка или шато, и начинал отвлекать её от работы своими ненасытными ухаживаниями: подарками, ресторанами и путешествиями. Бедной Сонечке ничего не оставалось, как капитулировать в очередной раз, и вместо того, чтобы ночами корпеть над эскизами и презентациями, теми же ночами корпеть над тем, чтобы принимать страстные ласки какого-нибудь престарелого Дон Жуана. Взрослые богатые дядюшки обхаживали свою золотую Лолиточку, воображая себе, что открывают ей мир тайных утех, а она маленьким розовощёким падшим ангелом смотрела на них своими бездонными голубыми глазами, стараясь поудобнее усесться сверху на их мужественные зрелые чресла.

– Вы представляете, он просто сначала полночи лежал рядом со мной и рассматривал! – возбуждённо шептала она нам троим на втором курсе института, рассказывая про нового пятидесяти пяти летнего обожателя, и подол её короткой плиссированной юбочки возбуждённо подрагивал в такт

её истории. – А потом опустился туда, ну, вы понимаете, куда, – смущённо добавила она, – и целый час меня ласкал языком!

– Целый час? – как всегда деловито переспросила Саша, и Соня яростно кивнула головой: – Именно! У него на стене в спальне висят часы, я специально засекала время! – и мы все начали смеяться в полный голос, распугивая посетителей кафе.

– И как, это того стоило? – спросила равнодушно Маша, которая даже в девятнадцать лет занималась сексом исключительно для удовлетворения физиологических потребностей.

– Ну, в принципе, да, – немного замялась Соня, а потом смущённо добавила: – Но всё-таки мне не хватает ощущения члена внутри, понимаете? Огромного твёрдого члена с набухшими венами!

И Соня не тушевалась, а искала себе бодрые твёрдые члены среди наших ровесников, которые, возможно, не заваливали её дорогущими подарками и не ласкали её розовые перламутровые створки часами, но зато чётко и целеустремлённо выполняли поставленную перед ними задачу: задорно оттрахать девчонку, чтобы она потом спокойно и томно могла выносить утомительные длительные ласки её очередного папика.

– А почему ты не заведёшь себе нормальные отношения с мужчиной хотя бы на десять лет старше тебя? – спросила я

её как-то после очередного романа с богатым шестидесятилетним французом.

– Не знаю, – потупила взор долу Соня. – Возможно, мне не хватает нежности... И заботы.

– И отца, – заключила деловито наша Маша, которая как раз училась на психотерапевта, и уже могла делать далеко идущие выводы.

– И отца, – грустно вздохнула Сонечка. – Вам всем повезло, и у вас у всех полные семьи, – и это было полной правдой. – А я даже никогда особо не общалась со своим папой: так, виделись пару раз, и всё.

– А как же многочисленные отчимы? – возможно, бес тактно поинтересовалась я. Мама Сони была известной актрисой, и её вечные любовные истории не сходили с первых полос жёлтой прессы.

– Отчимы? – испуганно промямлила Соня, и в тот миг я поняла, что мне не надо быть психологом, чтобы понять, что именно с бесчисленных Сониных отчимов и началась вся её любовь к слишком перзрелым и заботливым мужчинам.

Так она и провела все свои пять лет учёбы: на каждом курсе София стажировалась на новом проекте, на котором она обязательно становилась любовницей хозяина богатого особняка, и когда учебный год и проект заканчивались, на нет сходили и Сонины серьёзные отношения. И сейчас мы как раз собирались услышать очередную историю нашей подруги про нового зрелого миллионера лет за пятьдесят, ко-

торый водит её в свою бархатную алую комнату в дальнем флигеле. Но на этот раз Соня смогла удивить всех нас.

– У меня наконец-то свой собственный проект! – возбуждённо чуть ли не кричит она на весь зал, запивая свои радостные вести вином.

– Интересно, – подняла одну бровь Саша. – Дай угадать: загородный особняк? Хозяин уже в возрасте? В твоём вкусе?

– Нет! – торжественно опровергла оскорбительные подозрения Соня. – В том то и дело, что нет! Я проектирую самостоятельно небольшой музей! Это мой первый коммерческий заказ! – победоносно выплеснула она на нас свои радостные новости.

– Ничего себе, Соня! Поздравляю! – наконец-то оторвалась от своей утиной грудки с инжирным конфитюром Маша, готовая уже всерьёз воспринимать свою подругу.

– И что это за музей? – с интересом стала расспрашивать Саша. – Художественный?

– Можно и так сказать ... – замялась Соня. – Музей эротического искусства! – выпалила она, и залпом выпила остатки Амароне, как будто пытаясь скрыть своё волнение перед нами.

– Соня, так ведь это чудесно, – успокоила я свою подругу, и почувствовала, как острая иголочка ревности кольнула у меня где-то глубоко внутри. – Как дипломированный искусствовед я ответственно заявляю, что это просто прекрасный

проект, который, я уверена, ты сделаешь лучше кого бы то ни было.

– Особенно, учитывая твой разнообразный и богатый опыт, – приснула Маша, и мы все начали похохатывать, пока подтянутый официант откупоривал нам вторую бутылку божественного напитка.

– За Соню и её такую прекрасную работу! – чокнулись мы своими бокалами, и Саша деловито продолжила свою экзекуцию:

– Чудесно, одна из нас уже имеет собственный эротический проект, – поперхнулась она, – и это просто замечательно. Отличный старт, Сонечка! Ты это заслужила. Что же у нас с остальными? Ещё есть новости?

– Я открываю собственную практику, – как само собой разумеющееся произнесла Маша. – Уже нашла кабинет. В центре. С отличным ремонтом. Через месяц начинаю принимать. Вы можете не приходить, – сразу обрывает она все наши попытки пошутить на эту тему. – Вам сразу дам контакты хорошего психиатра, если что. Кстати, о психиатрах, – тычет она в мою сторону вилкой с нанизанной на ней сырным кубиком, – как там твой миллиардер? Недавно читала с ним интервью, явно мой клиент, – авторитетно заявляет она, отпивая из пузатого бокала.

– Отстань ты от Поли, Маша, – перебивает её Саша. – Я хотела попросить у тебя эксклюзивные права на освещение вашей свадьбы в нашем журнале, – подлизывается она ко

мне. – Вам деньги за рекламу, шмотки и слава, а мне...

– Повышение от начальства, – киваю я ей. – Хорошо, я поговорю с Анастасом, ты же понимаешь, что это не только моё решение.

– О да, понимаю, – глубокомысленно кивает Маша.

– Девочки, давайте выпьем за Полину, – лепечет своим невинным голоском Соня. – На самом деле, у неё самые главные новости на сегодня! Свадьба с таким красавцем, да ещё и миллиардером – мечта любой девушки! – бокалы мелодично тренькают, тягучее вино щекочет моё нёбо, и я про себя думаю, что из нас четверых одна я не достигла ничего. Ничего...

Ну да, я очень известная личность, но это заслуга моего знаменитого папы, не более того. Безусловно, у меня есть раскрученный блог @pollysonis, где я регулярно выкладываю посты о своей роскошной жизни под хештегом #sonislife, и иногда делаю рекламу косметики и шмоток, но кроме денег на карманные расходы это не приносит мне никакого особого удовлетворения. Я представляю, как миллионы девчонок по всей стране ставят мне лайки, завидуют моей жизни и заказывают помаду и духи, которые я якобы использовала, чтобы заполучить в мужа прекрасного принца Анастаса Вайсберга, только они не понимают, что это всё уже было решено за меня. И здесь всё решают только деньги. Деньги и родословная. Наверное поэтому я до сих пор не организовала никакой онлайн-марафон и не учредила никакой

интернет-академии, потому что я отлично знаю, что всё это будет просто обманом, мыльным пузырьём, способом получения денег для девочки, у которой и так много денег. Поэтому я предпочитаю пока просто зарабатывать на брендах, которые могут себе позволить бюджет на такого лидера мнений, как я, и подумываю о продаже эксклюзива на освещение свадьбы какому-нибудь известному глянцу.

– О чём ты опять задумалась, принцесса? – словно будит меня, вытаскивая из моего же собственного потока мыслей, Саша. – Ты не забыла, что у нас девичник через неделю? Ты уже подумала об особом меню? – подкалывает меня она.

– Делайте, что хотите, – улыбаюсь я в ответ, – в конце концов, вы же подружки невесты! Я вам полностью доверяю, только помните, что вы должны будете меня вернуть нетронутую и непомятую на следующий день моему дорогому жениху.

– Слишком дорогому, – уточняет Маша, заказывая уже третью бутылку. Мне только кажется, или она слишком много пьёт для психоаналитика?

– Отлично, – мурлыкает Соня, – сделаем, что хотим. Тебе, наверное, очень грустно понимать, что ты больше никогда не увидишь другого члена? – мягко говорит она, и я, глядя на её невинное фарфоровое личико понимаю, почему все стареющие Гумберты столицы мечтают нагнуть её в своих массивных дубовых кабинетах.

– Не знаю, – задумываюсь я на пару секунд, перекатывая

во рту терпкое вино, которое теперь отдаёт тёплой ароматной вишней. – Я же никогда ничего другого не видела, понимаете? Только в кино. Но мой папа знаменитый режиссёр, и поэтому я как никто другой знаю, что всё это вымысел. Сказка. Вся эта любовь и романтика.

– Да, да, понимаем, как в сладких романах в мягкой бумажной обложке по сто рублей серии Harlequin, – поддакивает Саша.

– Именно, – поддакиваю я. – Как в твоём глянцевом журнале, который покупают девочки в надежде посмотреть на красивую жизнь!

– Не трогай мой журнал! Мы создаём стиль! – возмущается Саша, а я с усмешкой парирую ей:

– Вы создаёте сказку. В которую начинают верить миллионы людей. Но сказок не бывает, – горько заключаю я, и Маша, серьёзно посмотрев на меня, замечает:

– Мне кажется, наша невеста уже напилась. Вызываем авто.

– Отлично, – бормочу я. – Встретимся через неделю. Обещаю, я согласна на всё и не буду ныть.

Через десять минут заботливые подруги усаживают меня в такси, и Маша, нагнувшись к моему уху, шепчет мне на прощание:

– Поверь, Поля, жизнь – это сказка!

И захлопывает дверь машины.

Я сижу и мучаюсь от похмелья в нашей огромной светлой столовой, пока помощница по хозяйству Даша готовит для меня самые вкусные в мире сырники с вишнёвым соусом. Я вспоминаю про промо-патчи для глаз, которые мне прислали на рекламу накануне, достаю их из холодильника, леплю под глазами, беру в руку чашку с кофе и, соорудив дежурную счастливую улыбку, делаю селфи. Выкладываю в сториз пост с хештегом и ссылкой на интернет-магазин, и продолжаю дальше мелодично позвякивать ложечкой в своем стакане, пока моя мама, сидящая тут же, за столом, не просит меня с раздражением:

– Полина, прекрати! В конце концов, это невоспитанно!

Я застываю на мгновение, и всё-таки решаюсь спросить её – ухоженную светскую львицу Анастасию Сонис, в ботоксе и филерах, которая давно уже растворилась в своей вечной застывшей молодости:

– Мама, скажи, а ты любила папу, когда вы поженились?

Мама отрывается от своего планшета, на котором беспрерывно скролит новости и с тревогой смотрит на меня:

– В чём дело, Полечка? Вы поссорились со Стасиком?

– Нет, вовсе нет, – успокаиваю я её, рассматривая на экране своего смартфона последние дикпики, присланные мне

моим женихом накануне. И почему он только так обожает свой член? По-моему, ничего выдающегося... – Я просто хотела узнать, что чувствуют люди, когда женятся. Это ведь на всю жизнь. По крайней мере, так предполагается, – пытаюсь я сформулировать мысль, но мама, успокоившись, уже снова утыкается в свой планшет.

– Пойми, Полина, – бормочет она, разглядывая очередной наряд своей знаменитой подруги, который та выгуливает на каком-то светском рауте, – любовь придумали плебеи. Люди без денег и родословной. Надо ведь как-то выживать человечеству? – с улыбкой снова смотрит она на меня, и я вспоминаю вечную эту мамину присказку.

По её мнению, браки заключаются только по расчёту. А всё остальное – просто похоть и страсть, которые быстро проходят, и в итоге оставляют после себя лишь пыль и тлен. И утомительный бракоразводный процесс. Собственно, меня воспитывали с младенчества с этой мыслью и вырастили с твёрдым убеждением, что именно так и есть. И, по правде говоря, чем больше я смотрю по сторонам на своих друзей и подруг, а особенно на их отношения, тем больше убеждаюсь в этом. И да, чем чаще меня трахает Стас при каждом удобном случае, тем больше я уверена в том, что всё это просто пустая похоть и неуправляемая страсть. Просто отлично, что хотя бы я умею контролировать свои желания.

Даша ставит передо мной порцию дымящихся ванилью сырников, а мама, строго посмотрев на меня, предупрежда-

ет:

– Только один, Полечка, помни о фигуре, – и, подождав, когда Даша снова уйдёт на кухню, добавляет с самодовольной усмешкой: – В любом случае, я уверена, что твой папа очень любил меня. Иначе мы бы не поженились. Поверь, для счастливого брака это более чем достаточно. Стасик тебя любит? Он всем доволен? – заботливо расспрашивает она, намекая, по всей видимости, на нашу интимную жизнь, и я, немного поморщившись, отвечаю:

– Всё нормально, мама, не беспокойся.

– Вот и славненько, – успокаивается она, и напоминает мне: – Не забудь съездить сегодня к доктору Тарасову, он ждёт тебя. Нам нужно забрать у него все заключения.

– А это так обязательно? – откусываю я назло ей огромную порцию сырника, обильно полив его сладким вишнёвым вареньем.

– Это формальности. Не более того. Не забывай, что речь идёт об огромных деньгах, – мама с отвращением смотрит на то, как я ем: она уже много лет сидит на диете из одного кусочка рыбы и грейпфрута в день, позволяя себе только литры кофе и несладкого зелёного чая. – И хватит столько есть, ты не влезешь в своё платье от Веры Вонг!

– Что значит формальности? – запикиваю я назло ей в себя второй сырник. – Как покупка племенной кобылы?

– Ну что за выражения, Полина, – брезгливо морщится мама, отпивая из своей пятой за утро чашки кофе. – Даша,

уберите сырники, пожалуйста, мы поели, – кричит она куда-то вдаль, и пока наша прислуга не отобрала у меня мой завтрак, я хватаю с тарелки третий жирный сырник, и, обмакнув его в варенье, откусываю огромный кусок.

– Это не просто брак. Это деловой контракт, слияние двух империй. Мы отдаём семье Вайсбергов самое дорогое, что у нас есть, – чуть ли не со слезами на глазах пафосно восклицает моя мама, и я бы ей даже поверила, не знай я её так хорошо.

– О да, – с издёвкой поддакиваю я, пока Даша уносит грязную посуду. – Но получаете взамен, правда?

– Что ты несёшь, Полина! – восклицает мама. – Следи за тем, что ты говоришь! И да, это нормально, когда люди заключают контракт! Я бы сказала, что это просто необходимо! Только кошки и собачки могут плодиться под забором бесплатно, – опять заводит она свою любимую песенку, и я отвечаю:

– Окей, окей, я всё поняла, я заберу сегодня у доктора Тарасова все заключения, чтобы семейство Вайсбергов могло быть уверено в моей чистоте и отличном здоровье! Хорошо, что они не требуют справку о девственности, – встаю я из-за стола и бегу вверх по лестнице в свою комнату.

Я сижу в просторном светлом кабинете частной загородной клиники знаменитого доктора Тарасова, который по совместительству ещё и папин лучший друг. И именно ему се-

мья Сонис доверяет самое дорогое, что у неё есть – наше здоровье и заключительные анализы своей единственной наследницы. Ну да, это только кошки, собаки и плебеи по словам моей мамы женятся под забором, бесплатно. А такие представители элиты как мы, должны тщательно взвесить все за и против, чтобы быть уверенными наверняка, что наша голубенькая кровь не дай Бог не смешается с чьей-то недостаточно чистой и кристальной. Поэтому в брачном договоре есть отдельный пункт, и я бы даже сказала, огромный раздел, посвящённый всем болезням и недугам, которые могут приключиться у представителей нашего рода.

Вайсбергам нужны здоровые чистокровные и румяные наследники, вот почему месяц назад меня обследовали самым тщательнейшим образом: брали всевозможные анализы крови, мочи и кала, просвечивали меня на томографе, прослушивали, простукивали и проминали, чтобы предъявить благородному семейству доказательства моего исключительно здоровья.

– Привет, Полин, – тепло обнимает меня наш семейный доктор, проходя в кабинет, и усаживается напротив меня за свой стол. – Как ты себя чувствуешь, моя девочка? – с тёплой улыбкой интересуется он, отыскивая в кучах разных бумаг мои анализы. – Аппетит хороший?

– Просто отличный, дядя Ваня, как всегда, – бодро рапортую я, пока он бегло просматривает белые листочки с непонятными цифрами.

– Отлично, отлично, просто чудесно, – бормочет он себе под нос, откладывая очередной листик в сторону, пока его взгляд не упирается в какие-то невидимые мне цифры и не задерживается на нём чуть дольше обычного. Словно не доверяя написанному, он поднимает на меня глаза, как будто хочет удостовериться в том, что это действительно я, и затем снова рассматривает что-то в своём листке. Молча трёт подбородок, ещё раз смотрит на меня, снова в бумажку, и затем поднимает трубку стоящего на столе телефона.

– Света, зайдите, пожалуйста, – говорит он кому-то, и, наконец-то поднимает глаза на меня. – Ну что же, всё просто замечательно, *Полин*, – подытоживает он. – Надо пересдать один анализ, и всё, и я со спокойной совестью отдам мою девочку замуж, – бодро говорит он.

В комнату входит миловидная Света в белом халате, и приглашает меня пройти за ней.

– Я тебе напишу, – на прощание машет мне рукой доктор, – это просто формальность. Увидимся уже на свадьбе, я думаю, – и я иду за медсестрой, которая ведёт меня в процедурный кабинет.

Спустя пару часов я еду в загородную усадьбу Воронцовых, где вся площадка целиком арендована для нас с Анастасом под свадебную фотосъёмку. Стилисты, визажисты, фотографы и их ассистенты хватают меня, как только я приезжаю, как какой-то ценный приз и собирают из меня, как из

кусочков пазла, идеальный образ идеальной невесты. Бренд-менеджеры самых люксовых шоурумов привезли свои самые лучшие платья, чтобы я только посмотрела на них, и, если понравится, соизволила надеть. Я выбираю пышное, как тортик, Marchesa, аристократичное, с кружевами, Badgley Mischka, и необычное маленькое розово-белое платье от молодых питерских дизайнеров WedEnd.

Я примеряю его как раз в тот момент, когда в мою гардеробную комнату без стука заходит Стас, и все стилисты, визажисты и ассистенты деликатно испаряются из будуара в один момент, оставляя нас наедине.

– Плохая примета, дорогой, – с улыбкой говорю я ему, и он, не слушая, приближается ко мне, уже расстёгивая на ходу свои штаны.

– Для нас не работают никакие приметы, малыш, – уже возбуждённо шарит он под моим подолом своими влажными дрожащими ладонями, отодвигая в сторону кружевной треугольник моих трусиков. – Я тебя всё время хочу, – запускает он уже в меня свои пальцы, второй рукой ловко натягивая презерватив на своего пунцового торчащего из ширинки мини-Вайсберга.

– О, Полин, – шепчет он, уже вставляя в меня свой прибор, и задавая с ходу высочайший темп отбойного молотка в штольне.

– О да, милый, так, – снова постанываю я в такт ему, как делаю на протяжении всего нашего романа, и вижу в отра-

жениях многочисленных зеркал свою покосившуюся на бок причёску, искажённое болью лицо, которое, видимо, Стас принимает за выражение высшего наслаждения, выпрыгивающие, как мячики из сетки, мои покачивающиеся в такт фрикциям груди, и две крепкие властные руки, сжимающие мои бёдра, пока их хозяин заколачивает и заколачивает в меня свой молоточек.

Анастас замороженно смотрит на моё лицо, и засовывает мне в рот свой большой палец, который я нежно покусываю, и чувствую своими ягодицами, как его мягкие шарики подтягиваются и твердеют, после чего он замирает на долю секунды и выныривает из меня, аккуратно придерживая резиновый чехольчик, чтобы снова аккуратно сложить его в свой драгоценный пакетик. Его палец размазывает всю мою алую помаду по лицу, а я в этот момент думаю о том, что где-то наверняка есть специальное кладбище использованных презервативов от Вайсберга.

– Тебе было хорошо, малыш? – заботливо спрашивает меня мой суженый, заметив мою улыбку.

– Да, очень, – искренне отвечаю я ему. Мне ведь действительно было в очередной раз очень смешно. А смех это очень хорошо. – Ну вот, – осматриваю я себя в зеркало, не забывая кокетливо намекнуть своему жениху на его мужественность: – Всё испорчено! Как мы будем с отбой теперь фотографироваться?

– Ничего страшного, это их работа, – отвечает Анастас,

открывая дверь и демонстративно поправляя штаны, а вся моя команда так же деликатно и молниеносно начинает поправлять на мне макияж, причёску и наряд.

– Отличное платье, – многозначительно бросает бренд-менеджеру Вайсберг-младший. – Мне понравилось. Заверните его нам с собой, – и счастливая менеджер довольно поддакивает ему в ответ.

Ещё полчаса, и вот мы уже с Анастасом стоим в розовых зарослях рядом со статуями Аполлона, Венеры и Дианы, и изображаем счастливую парочку. Хотя, отчего же изображаем, ведь на самом деле мы и есть счастливая влюблённая пара. Нас фотографирует один из лучших мэтров страны Алексей Литвак, и мы с моим женихом встаём в нужные ему позы.

– Просто прелесть, мои котятки, именно так! – подбадривает нас под резкие щелчки затвора камеры Лёша, а мы не перестаём двигаться и замирать, двигаться и замирать. – Сразу видно – профессионалы, – хвалит нас Литвак, и он абсолютно прав: пожалуй, столько в своей жизни мало кто фотографируется напоказ, и для нас это обычная рутинная работа.

Мы давно уже знаем со Стасом все наши выигрышные ракурсы, «рабочие» части лица и фигуры, и знаем как красиво и чётко выстроить композицию, чтобы потом охренительно красиво выглядеть на любой обложке. К тому же никто не отменял ретушь и фотошоп. Если ты дочь знаменитого ки-

норежиссёра, то уже с пелёнок ты выучиваешь все эти премудрости и просто воспринимаешь это как часть своей жизни. Что касается Анастаса, то это не просто часть его жизни, но и его работы: акции его компаний растут вверх, как только он делает официальное заявление в своём Твиттере, и падают стремительно вниз, как только очередной горе-папарацци делает его неудачный снимок с похмелья. Поэтому по большому счёту в нашей жизни всё чётко выверено и просчитано. На годы вперёд. И даже быстрый перепихон со своей невестой в гримёрке тоже часть его пиар-кампании, я уверена.

Не сомневаюсь, что личный бизнес-консультант Анастаса Вайсберга советовался на этот счёт с агентством и удостоверился, что такие инциденты положительно влияют на общий имидж молодого миллиардера. Молодой, красивый, трахается регулярно. Причём со своей без пяти минут женой. Так, глядишь, и до кандидатов в будущие президенты недалеко. Я не удивлюсь, что и по поводу меня он советовался с целой армией специалистов, и что если бы они не одобрили мою кандидатуру на роль спутницы жизни, то у меня были бы нулевые шансы. Несмотря на всю ту дикую страсть, которую я бужу в своём парне и на мои вполне достойные внешние данные. Надеюсь, что ещё и интеллектуальные, но, как я понимаю, Анастасу это не так важно, как моя идеальная грудь второго размера без хирургических подтяжек и имплантов, мой аристократический тонкий нос, пухлые, но в меру, губы, длинные стройные ноги и девственно-чистое отверстие

между ними, которое не посмел осквернить до него ни один другой мужчина.

Ещё полчаса, и мы уже в новых нарядах влюблённо смотрим другу другу в глаза у элегантно накрытого столика, а в руках я держу бокал с шампанским. Бутылка стоит тут же, рядом, но я пока не решила, соглашусь ли я рекламировать эту марку, и за какую именно сумму. Думаю, двадцать тысяч зелёных, особенно учитывая такой повод, вполне достойная цена... Влажно-тёплая ладонь Стасика скользит вниз в мой низкий вырез на спине, чуть ли не у самого копчика, и пока Алексей фотографирует нас в фас, я чувствую длинные пальцы у дырочки в своей попке, пытающиеся незаметно пробраться дальше.

– Не сейчас, милый, – шёпотом прошу я его, стараясь незаметно отодвинуться, и Стас с улыбкой смотрит на меня:

– Может, поедem после этой фотосессии ко мне? Ты меня очень заводишь в белом.

– Потерпи, любимый, – бормочу я. – Осталась последняя перемена платья, – и, вспомнив просьбу Саши, гляжу на него снизу вверх и прошу: – Давай продадим права на фото нашей свадьбы Glossy? Думаю, они неплохо заплатят, – и вижу, как мгновенно глаза Анастаса приобретают свой металлический блеск, когда речь идёт о деньгах и репутации.

– Не знаю, Поля, не думаю, что это тот уровень. К тому же, такие вещи в нашей семье должен решать я, и только я, договорились? – и, видимо, чтобы смягчить свой жёсткий ответ,

добавляет: – Ты не должна думать своей прелестной головкой, зачем тебе это? Для этого у тебя есть я. А ты можешь просто расслабиться и наслаждаться жизнью. А о деньгах я позабочусь, – и я тихо вскрикиваю, когда чувствую, как его палец все-таки протиснулся чуть ли не на всю длину в мой анус, и вижу, как его дорогушие штаны начинают предательски оттопыриваться спереди.

– Так, отличный ракурс, снято! – слышу я бодрый Лёшин голос, пока Анастас продолжает свой квест в моей попе, прижимаясь к моему боку своим затвердевшим членом.

– Перерыв, – объявляет мой жених, и буквально силой снова утаскивает меня в мою временную гардеробную.

– Какая сладкая дырочка, – шепчет мне мой суженый, пока ставит меня на колени на кушетку, и расстёгивает свои штаны. – У меня самая красивая девочка, – бормочет он, и начинает ввинчивать свой болт в мой анус, и я вскрикиваю от боли и неожиданности. – О да, Полли, как в тебе тесно, – стонет он чуть ли не на всю усадьбу, и я радуюсь, что предусмотрительно врубила музыку на полную катушку на колонке в раздевалке. – Я сейчас кончу, а ты? – с придыханием задаёт он мне свой неизменный вопрос, как будто я должна это делать строго по расписанию и строго вместе с ним.

– О да, милый, да, я кончаю, – громко подыгрываю я ему, и мои стоны перекрывают его под бодрый голос Pink, поющей You Just Like a Pill.

– Обожаю иметь тебя в попку, – завершает он этот неверо-

ятно пылкий и стремительный акт любви, выходя из меня. И я его понимаю: бедный мальчик всю жизнь трахается исключительно в резиновой обёртке, опасаясь проронить ненароком на чужую плодородную почву своей драгоценное семя. А сейчас он может насладиться незабываемыми ощущениями, которые дарит ему моё узкий задний проход, крепко и нежно обволакивая его голую кожу и выталкивая его на новый уровень наслаждения. И от этого он кончает просто в разы быстрее, – с облегчением думаю про себя я, решив, что после нашей свадьбы я прикрою эту лавочку. А сейчас использую его расслабленное состояние и снова мурлычу: – Но может быть только в этот раз, милый? Glossy хорошо заплатят, не сомневайся, это же международное уважаемое издание с репутацией.

– Хорошо, я подумаю, малыш, – уже намного мягче отвечает мне Анастас, и я начинаю скорее переодеваться, пока на него снова не нахлынула волна безудержного горячего желания.

Вся оставшаяся неделя до свадьбы проходит в суете и мороке: платья, примерки, стилисты, косметологи и куча рекламных постов, конечно же! Причём неизвестно, у кого больше времени отнимают все эти приготовления: у меня, или у моей светской ухоженной мамы Анастасии Сонис, которая, как мне кажется, считает, что она должна затмить собой на свадьбе невесту, точнее, меня. Если честно, мне иногда кажется, что вся её жизнь посвящена только одному: как бы вдруг не растолстеть, не состариться и не утратить любовь и интерес моего папы. А ещё мне кажется, что моему отцу жена нужна только для красивых обложек в глянце, успешных постов в соцсетях и для модной компании на светских мероприятиях, потому что я нечасто вижу, чтобы они общались друг с другом наедине. Мы вообще очень редко видим папу дома.

Мне некогда встречаться со Стасом, и я боюсь представить, что он со мной сделает в первую брачную ночь. Единственное, что немного успокаивает меня, так это непреложный факт, что после свадьбы страсти утихают, и пары перестают так безудержно заниматься сексом, как в медовый месяц. И я очень надеюсь на это, потому что торопливые потные перепихоны с моим женихом меня начинают утомлять.

Точнее, я не вижу в них никакого особого смысла, кроме его удовлетворения, конечно же. В пыльной суете этих дней я совершенно забываю об анализах, которые у меня ещё раз взяли в клинике Ивана Тарасова, поэтому его звонок застаёт меня врасплох:

– Полечка, девочка, нам нужно срочно поговорить, это очень важно. Только не волнуйся раньше времени, пожалуйста, – и я, конечно же, начинаю сразу же волноваться. Я вообще не понимаю, какого чёрта врачи произносят эту дурацкую фразу! Как будто в институтах они проходят специальный курс под названием «Как заставить пациента нервничать ещё больше».

– Что-то с моими анализами? – спрашиваю я, и чувствую, как моя нижняя губа начинает предательски подрагивать.

– Ты не переживай. Просто приезжай ко мне в клинику. Прямо сейчас, – «успокаивает» меня мой доктор, и я понимаю, что теперь у меня уже подкашиваются ноги.

Минуя все эти треклятые пробки ранней осени, я почти долетаю до медицинского центра доктора Тарасова, где он ждёт меня в своём кабинете с чересчур участливым и добрым видом, отчего мне становится окончательно не по себе.

– Присаживайся, девочка, – приглашает он меня, и сразу же спрашивает: – Воды? Чаю? – и, не обращая внимания на мой отрицательный ответ, звонит по своему телефону: – Принесите воды, пожалуйста, с газом. Потом несколько секунд разглаживает свои папки на столе, и, словно решив-

шись, наконец, продолжает: – Полина, в прошлый раз мне не понравились твои анализы крови, и я отправил тебя на повторную сдачу, – он вздыхает, делает передышку, и выпаливает: – По всем признакам у тебя острый лейкоз крови. Но я до сих пор сомневаюсь в правильности этого анализа, потому что показатели слишком высоки для этой стадии и твоего общего самочувствия, поэтому нам надо будет обследоваться более тщательно...

– Подождите, – бормочу я онемевшими губами, которые словно обкололи лидокаином. – Что значит лейкоз?

– Рак крови, – поясняет мне доктор Тарасов, и я чувствую, как слезы двумя обжигающими дорожками бегут по моим щекам. – Подожди плакать, – старается меня успокоить дядя Ваня, и пытается меня напоить водой, которую только что занесли к нему в кабинет: – Выпей, успокойся, я же говорю, это всё ещё неточно.

– Неточно? – лёгкая тень надежды касается моего сознания. – Скажите, дядя Ваня, а как часто врачи ошибаются? Как часто анализы врут?

– Ну, – тянет Иван Тарасов, – в принципе, с этим анализом часто бывает путаница.

– А в вашей клинике уже были подобные ошибки? – осеняет меня внезапная догадка.

– В моей клинике – ни разу, мы работаем только с самыми проверенными диагностическими центрами и только со швейцарским оборудованием, – с гордостью отвечает доктор

Тарасов, но спохватывается, увидев мои полные слёз глаза. — Полин, не переживай ты так раньше времени! Я позвал тебя специально одну, чтобы обсудить с тобой это наедине! — объясняет он мне. — Потому что в нашем контексте, — мямлит он, — я не имею права скрывать результаты анализов и диагнозы от второй стороны, — и я понимаю, что его сейчас беспокоит не только моё здоровье, но и возможный срыв брачной сделки, если вдруг дело не выгорит.

Если вдруг Вайсберги решат, что им подсовывают товар с гнильцой. Не чистую голубую кровь, а кровь с раком, и тут мне опять становится безумно страшно и одиноко, и я начинаю реветь уже в голос, на что сердобольный дядя Ваня, не удержавшись, зовёт в кабинет медсестру и мне делают лёгкий укол.

Я не знаю, что это за препарат, который мне вкололи, но теперь я сижу, словно обложенная со всех сторон мягкой ваткой, и словно издалека до меня доносится спокойный монотонный голос доктора Тарасова, который объясняет мне план действий:

— Поленька, пойми, сейчас всё лечится, особенно с вашими возможностями. Это раньше люди с таким диагнозом жили два месяца, ну, максимум, три, — и я отмечаю для себя, что в принципе, мне осталось жить при плохом раскладе всего три месяца, но я смотрю в окно, на ещё юную тёплую и ласковую осень, тронувшую медовыми красками верхушки деревьев, и жизнь кажется мне прекрасной. В моей голове

легко и пусто, словно её накачали гелием, и мне хочется улыбаться и просто сидеть и слушать доброго доктора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.